

Осознание действительности —
часть самой действительности

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

Развернувшаяся на заключительном этапе нашей сегодняшней работы дискуссия по проблеме одноактного либо многоактного творения Богом (Аллахом) всего сущего вряд ли приблизит нас к осмыслению тех вопросов, ради которых создавался семинар. Главное в данном случае — оценить потенции ислама как религии и широкого общественно-политического движения современности в качестве активной силы, направленной не на разрушение, а, напротив, на укрепление российской государственности, упрочение ее ценностных и нравственных основ.

Что в состоянии дать нам в этом отношении исторический опыт?

Гибель Российской империи, а затем и едва проклюнувшегося буржуазно-демократического режима Временного правительства в стране стала результатом и итогом до предела обострившихся как социальных, так и национальных противоречий. Последние же в обстановке начала XX столетия нередко проявляли себя в межконфессиональной сфере. «Пробуждение Востока» в тех специфических условиях подразумевало прежде всего пробуждение ислама. Это обстоятельство сближает две эпохи — начала и конца прошлого века, позволяя нам в прошлом видеть определенные черты, тенденции и результаты, не только отличные, но во многом схожие, сопоставимые с современной ситуацией.

Осознание действительности, по справедливому утверждению французского социолога и политолога Арона Раймона, — *часть самой действительности*. История в полном значении этого термина существует постольку, пос-

кольку люди осознают свое прошлое, различия между прошлым и настоящим и признают многообразие исторических эпох»¹.

О чем же свидетельствует это прошлое?

В течение достаточно длительного периода, вплоть до конца XIX века, в основе взаимоотношений центра и среднеазиатских окраин Российской империи, например, лежал принцип сохранения и даже поддержания местной специфики. Со времени присоединения Средней Азии к России для коренного оседлого и кочевого населения была сохранена выборная система формирования местных органов управления (волостных управителей, сельских старшин и их помощников). В неприкосновенности осталась и традиционная судебная система. Принципы эти были подтверждены и Положением об управлении Туркестанским краем 1886 года, согласно которому народные суды получали право судить на основе местных обычаев, т. е. фактически по законам шариата. Русская администрация края полностью отстранилась от данных сфер жизнедеятельности местного населения. В практически независимом от имперской администрации положении в Туркестане функционировало мусульманское духовенство и развивалась мусульманская школа. Здесь, в отличие от мусульманских анклавов Поволжья, отсутствовали органы контроля (муфтиаты) за данными сферами местной жизни мусульман.

На рубеже двух столетий, однако, правительственный курс поменял свой вектор. И к началу Первой мировой войны принцип выборности судов был заменен принципом их фактического назначения².

¹ Арон Раймон. Демократия и тоталитаризм // Антология мировой политической мысли. В 5 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 510.

² Специально об этом см. написанные А.Ю. Бахтуриной главы в коллективных монографиях: Административно-территориальное устройство России. История и современность. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Административные реформы в России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2006.

Как это ни парадоксально, но и тот, и другой тип имперской политики, каждый по-своему, способствовал росту политической активности и религиозного компонента в сознании мусульманского населения. И первым наглядным итогом этого роста стала политическая самоорганизация мусульманского сообщества Империи в ходе выборов в Государственную Думу, а затем и в процессе деятельности Думы в 1906–1917 годах.

Уже в составе 1-й Государственной Думы в июне 1906 г. возникла межфракционная мусульманская группа из 22 депутатов (из общего числа 497), 18 из которых одновременно входили в Конституционно-демократическую фракцию. Во 2-й Думе была сформирована уже самостоятельная Мусульманская фракция, насчитывавшая 30 человек (из 517). Изменение избирательного законодательства в результате разгона 2-й Думы 3 июня 1907 г. («третьеиюньский государственный переворот») привело к сокращению предста-

Голубая мечеть в Стамбуле

вительства в ней мусульман. В 3-й Думе мусульманская группа насчитывала 8 человек, в 4-й — только 6 депутатов. Характерно, что Среднюю Азию и Казахстан представляли мусульмане только во 2-й Думе. В остальных две трети депутатов избирались от губерний Урала, одну треть представляли Северный Кавказ с Закавказьем и Поволжье.

По своему социальному статусу 1/3 депутатов-мусульман относилась к высшим классам, 2/3 — к среднему классу. Высшим образованием обладала треть депутатов (в 3-й Думе — половина), примерно столько же остановилось на уровне начального и домашнего образования.

Деятельность думцев-мусульман свидетельствует о том, что они в целом органично влились в представляемый Думой политический процесс, занимая в преобладающей степени левоцентристские позиции, солидаризируясь в решении основных вопросов с кадетами и поддержав (на заключительном этапе дореволюционного отечественного парламентаризма) программу Прогрессивного блока в 4-й Государственной Думе.

Депутаты-мусульмане, как правило, присоединялись к звучавшим в Думе общедемократическим требованиям гражданского равенства, прекращения репрессий в отношении участников революционного и массового движений, демократизации государственного строя, принудительной передачи крестьянам части помещичьих земель. Из наиболее близких к их непосредственным нуждам вопросов ими активно отстаивались различные аспекты проблем свободы вероисповеданий, отмены ограничений для развития культуры и образования национальных меньшинств, улучшения положения мусульманского духовенства, учета государством обычаев и традиций мусульман³.

³ Специально об этом см.: Демин В.А. Мусульманская фракция // Государственная Дума России: Энциклопедия. В 2 тт. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2006. С. 401–403.

Интересна и показательна фигура лидера думцев-мусульман, организатора мусульманской фракции 1-й и фактического руководителя фракции 2-й Думы. Им был Али Топчибашев, азербайджанец мусульманского вероисповедания, дворянин, из семьи бека, землевладелец. Окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, защитил диссертацию по гражданскому праву, но не смог получить права на занятие профессорской должности в столице. Занимался адвокатской практикой и публицистической деятельностью, редактировал ряд газет, стал организатором и лидером партии «Иттифак эль-муслимин». Явился одним из подписантов Выборгского воззвания от 8 июля 1906 года по случаю роспуска 1-й Думы, текст которой соответствовал взглядам левого крыла кадетской партии, а также содержал обращенный к народу радикальный призыв к гражданскому неповиновению, за что был приговорен (наряду с другими подписавшими воззвание депутатами) к трем месяцам тюрьмы и лишению избирательных прав, что не остановило его политической активности⁴.

Совершенно очевидно, что с начала XX столетия царизм в своей политике не смог адекватно оценить ни уровня политической зрелости социально активной части мусульманского населения, ни ее способности к самоорганизации, ни опыта и влияния поднимавшихся на волне мусульманской самоидентификации лидеров. А также сориентироваться в широком и неоднозначном потоке идеологических устремлений различных сил внутри мусульманского сообщества, представители одной части которых активно работали на разрушение Империи, а другие, напротив, на гармонизацию и стабилизацию межнациональных отношений в ее рамках. К числу последних в дореволюционной России следует отнести джадидизм, к возрождению опыта и поддержке традиций которого сегодня призывает президент Татарстана М.Ш. Шаймиев.

⁴ Усманова Д.М., Топчибашев Али Мардан-бек Али Акпер Оглы. Государственная Дума Российской империи. С. 639.

Показателем нацеленных на стабилизацию общества потенций идеологии и практики джадидизма, его устремленности к гармонизации межнациональных отношений в России начала XX столетия может служить мировоззрение и общественно-политическая деятельность представителя крымско-татарского этноса, одного из политических лидеров российских мусульман Исмаил-бея Гаспринского. Будучи умеренным либералом, придерживаясь в общеполитических вопросах программы «Союза 17 октября», создав и возглавив общероссийскую политическую партию «Союз российских мусульман», он в ходе Первой российской революции выступал против «классовых распрей» среди мусульманского населения и вмешательства его в политику. Вводя в научный оборот термин «русские мусульмане», Гаспринский выражал уверенность, что «в будущем, быть может, недалеким, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что... нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»⁵.

Как видим, наиболее политически активная и сознательная часть мусульманской общественности Империи выступала — в основе своей — в русле либеральной и леволиберальной струи в составе сил, стоявших на позициях необходимости модернизации российского общества, но без разрушения несущих государственных и общественных конструкций. Царизму, к сожалению, не дано было подняться до уровня *осознания* сложившейся к началу XX столетия новой реальной действительности — с целью ее преобразования на основах социального и политического компромисса — и тем более воплотить это знание в действенную политическую практику.

В новой обстановке резкой радикализации социально-политической ситуации в стране в пору выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. отмеченная выше тенден-

⁵ Цит. по: Исхаков С.М., Гаспринский (Гаспралы) Исмаил-бей. Общественная мысль России ХУШ — начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. Журавлев В.В. М.: РОССПЭН, 2005. С. 97.

Астролябия

Изобретенная греками астролябия была усовершенствована арабскими учеными. Этот угломерный прибор использовали для измерения долготы и широты астрономами. Это позволяло определить местонахождение наблюдателя, а также расстояние и время, что очень помогало путешественникам на суше и на море. Кроме того, с помощью астролябии определяли направление на Мекку, благодаря чему мусульмане могли молиться, обратясь к ней лицом.

ция в целом не претерпела кардинальных изменений. Более того, ориентация на ослабление социально-политических и межнациональных противоречий получила своеобразное подкрепление в виде участия в выборах женщин-россиянок, аналогов чему тогда не наблюдалось ни в одной стране «классической» европейской демократии. Благодаря этой «революции в революции», по выражению отечественного историка Л.Г. Протасова, в электоральный процесс активно включились и женщины-мусульманки, для которых в мусульманских районах страны были образованы особые избирательные участки, зафиксировавшие высокую явку.

Так, в Баку на избирательные участки явилось 77% обладавших правом голоса мусульманок. В подавляющем большинстве они голосовали за партию «Мусават»⁶, выступившую после Февральской революции за создание Российской демократической республики на «национально-территориально-федеративных началах». Стремясь «защищать экономическо-классовые интересы тюркской трудовой массы и национально-культурные интересы всех тюркских и других народностей, исповедующих ислам», партия «Мусават» («Равенство») исходила из того, что каждая предлагавшаяся партийной программой автономная единица (Азербайджан,

⁶ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 201, 203.

Туркестан, Киргизия, Башкирия, автономии поволжских и крымских татар и «всех вообще тюркских народностей») «составляет нераздельную федеративную часть России, связанную с нею задачей обороны, внешней политики, монетной системы и таможней»⁷.

Отказ от дифференцированного подхода к различным течениям и направлениям в рамках мусульманского сообщества России, присущий политике как самодержавной, так и буржуазно-демократической власти Временного правительства, игнорирование возможностей прямой или даже косвенной поддержки тех из них, которые были нацелены на нейтрализацию, сглаживание конфессиональных, национальных и социально-политических противоречий в стране стал одним из весомых факторов краха этих двух политических режимов.

В этом, пожалуй, и состоит один из главных исторических уроков, вытекающих из анализа упущенных возможностей в осуществлении конфессиональной и национальной политики в многонациональной и поликонфессиональной стране. Просчетов, открывших дорогу революционным потрясениям 1917 года. Только *осознание* и адекватное освоение этих уроков в политической практике поможет нам избежать чего-то подобного в настоящем и будущем.

В только что вышедшей книге А. Малашенко можно встретить следующее умозаключение, как бы переводящее на язык современных реалий приведенное мною выше убеждение идеолога джадаизма И. Гаспринского: «Ислам — судьба России. Этому обстоятельству можно радоваться, можно быть им недовольным, но уйти от него невозможно»⁸. Если это так, то государству и общественным силам страны необходимо сделать все возможное, чтобы не дать колесу судьбы повернуться в неблагоприятном для всех, в том числе для мусульманских, народов России направлении.

⁷ Программа Тюркской партии федералистов «Мусават» (1917) // Программы политических партий России. Конец XX — начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1995. С. 231, 232.

⁸ Малашенко А. Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 177.